

Кому любовь свою ни говори,
Она опять истает до зари,
И снег смотает голубую пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвётся нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес,
И светлый сад, и тёмно-синий лес,
И дом, в котором ждут и умирают –

И снова ждут. И жизнь течёт сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю тёмное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неутолимый свет –
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном доме, где темнота слепит
И где лучина освещает песню.
А выплачется песенка когда,
Тогда метель и горе – не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

ВОЗДУХ ДОРОГИ

1

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на веноч.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

2

В ночной дали прольётся поезд
Наплывами из перестуков.
Пульсирует дороги повесть
Мерцаньем звёзд и тихих звуков.

Перекрывая расстоянья
Своей мелодией пустынной,
Состав летит легко и рьяно,
Но вот на станции застынет.

И в это самое мгновенье
Я вдруг пойму, что здесь когда-то
Остались предков поколенья
В земле, ни в чём не виноватой.

Зачем я мимо проезжаю
Деревни той, в которой жили
Они так тихо, не мешая
Друг другу и небесной были?

Остановиться бы, остаться
В бараке ветхом и дощатом,
И тёмным звёздам улыбаться,
И облакам, грозой измятым.

И дожидаться до рассвета
С дежурства мужа или сына,
И песенку, что не допета,
Тянуть чуть слышно и наивно.

3

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной –
Всё же покину постылый мне дом,
Так, что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковой,
И разливается в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звёзды на месте печали.

В чёрную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, вedom и неведом.

* * *

Косматые ветры играют огнями окраин,
Но ветры и сами – игра им неведомых сил.
И ночь распрямляется, всей чернотой догорая,
И падает в небо размахом обугленных крыл.

Светлеют листва и домов невысокие стены,
И чуть приглушённой свет уличного фонаря.
Как жили мы долго и как расставались мгновенно –
Об этом окраина помнит и знает заря.

И пение птиц, и сияние облачной пены,
И воздуха тонкого сумрачно-грустная медь –
Всё это о нас говорит, и всё это нетленно,
Круженье, движение жизни сильнее, чем смерть.

* * *

Костры – Дон Кихоты осени,
Медлительны и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются – не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,
Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
...Я стану костром пророческим
И никогда – водой.

* * *

В седой степи туманный огонёк
Цветёт, цветёт, ещё не облетает.
Как близок он, как всё-таки далёк –
Никто его не помнит и не знает.

Не человек ли это заплутал,
Костром от темноты отгородился,
Когда ему открылась высота
Ночной звезды и тихий свет явился?

В седой степи, как будто на краю
Земли и нерастраченного неба,
Он снова вспоминает жизнь свою,
Отогревает призрачную небыль.

Всё, всё, что было, что произошло,
Что превратилось в память золотую,
Теперь костром огромным расцвело,
И кажется, рассыпалось впустую.

Но каждой искрой, каждым огоньком
Припав к земле осенней терпеливой,
Жизнь новая становится цветком
И светит неразумно и счастливо.

* * *

Птичий день зашумел за окошком.
Замелькала рябая вода.
Не останется день этот в прошлом.
Он достанется нам навсегда.

Он продлится на долгие годы,
Разольётся туманом в крови.
Шумом крыльев и небом холодным
Отзовётся и в нашей любви.

Этой рифмой правдиво-банальной,
Рваным шёпотом ясной листвы,
Этим клёном – осенним, опальным,
Разговором людей и травы.

Это мы с тобой – тайна и тайна,
Дальний поезд, поля, ковыли.
Жизнь с печалью её не случайна,
Если в нас бьётся сердце земли.

* * *

Это и есть Россия –
Белый крылатый снег
И города родные
В оцепенелом сне.

Что бы со мной ни случилось:
Радость, любовь, беда –
Нежного снега милость
Выпала навсегда.

Выпала в город старый
На золотой горе
И никогда не тает
В медленном январе.

Нет ни домов, ни улиц –
Белая мгла строга.
Здесь фонари, нахмурясь,
Светят на два шага.

Тонкая колокольня
Тоньше ночных снегов.
Окна домов – иконы
В белом окладе снов.

Словно бы снег усердный,
Время назад склоня,
Я прохожу сквозь сердце
Тех, кто любил меня.

Дальние и родные,
Все вы мои навек.
Это и есть Россия.
Память. Надежда. Снег.

* * *

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи –
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад –
Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят,

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон, и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь вольна.

* * *

Сорок птиц из-за моря на крыльях весну принесут,
Донесут – и рассыпят по снежным слепым перелескам.
И откликнется птицам несмелый подснежник в лесу.
И от робкого ветра качнётся в окне занавеска.

Звёзды станут крупнее и мысли тревожней мои.
Я боюсь потерять тебя. Зимняя память тускнеет.
Выцветают черты и слова неумелой любви.
Но апрельское небо прозрачней ещё и яснее.

Так на ветках лежит оно, словно вот-вот улетит.
Сорок птиц поднимают его над землёю.
Я сама остаюсь на высоком, на узком пути.
Над проталиной тихой – подснежник дрожит синевою.

От хохлатки лиловой, от чуткой фиалки лесной,
От протяжных туманов и дымки зелёных озимых –
Веет хрупкой любовью, непереносимой весной,
Разве только на крыльях и переносимой.

РОМАНС О ЛЕТЕ

Вот оно, лето с пронзительным зноем,
К небу прибитое тысячей звёзд,
Синее небо с каймою цветною,
Белое облако с горечью слёз.

Клонятся ветки от звонкого ветра,
Бьются в окно, шелестя и шепча:
Вот оно, это законное лето,
Теплится, словно большая свеча.

Но отжелтеет полоска заката.
Еле видны в полутьме фонари.
Вот оно, лето, что было когда-то –
Искорка Божья у сердца внутри.

Если мы любим друг друга, как прежде,
Если мы дарим друг другу тепло,
То проживём ещё в тайной надежде –
Вот оно, лето. Ещё не прошло.

* * *

Начинается осень. Щербаты ступени её.
Эта лестница нас на чердак голубиный уводит.
Там все стены исписаны разною глупостью вроде
«Саня З. + Марина», и тоненький ветер поёт –

Паутину колеблет, рассеянный свет рассыпает.
Только выйдешь на крышу – весь город, гляди, пред тобой.
Здесь темнеет овраг, дальше синяя Волга мелькает,
Шпиль готический в небо уткнулся упрямой иглой.

Эта осень меня укрывала столыственной мглою,
Уводила в упорную, гордую горесть любви.
Что теперь от неё, осторожной и скромной, я скрою?
Ржавый лист паутиной знакомых морщинок овит.

На доске рисовала мелком ярко-белым и жёстким,
На асфальте – дождём, самолётиком – на синеве.
Эта осень прошла. Стала женщиной взрослой.
Эта взрослость её не укладывается в голове.

И сбивается слог, и уходит привычная гладкость,
И ступени щербаты – на память, на счастье, на боль.
До свидания, осень. Прощай, моя радость.
Хорошо навсегда, до конца оставаться собой.

* * *

Сквозь влажный обморок листвы –
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнёт
Искринкой дождевой,
И не кончается полёт,
Задуманный листвой.

Земли покатою мокрый бок
Касается небес,
И смотрит изумлённый Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота –
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна её душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошёл,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.

ОКРАИНА

Окраина, старая рана,
Старухи и малые дети,
Звезда, что горит неустанно, –
И память, которая светит.

Жизнь – словно окраина эта,
Огромное жёлтое поле.
В ней хватит и ветра, и света,
И воли, и счастья, и боли.

Утрата, ещё раз – утрата,
Разлука – и снова разлука.
Жизнь – веха, горящая дата,
Луч света над горнею мукой.

И мало ли что приключится –
Смотрю в поднебесье, не щурясь.
Окраина, чёрная птица,
Тень горя на сумерках улиц.

На фоне домов аварийных –
Израненный старостью тополь.
Здесь жили, стирали, варили
И жизнь не считали жестокой.

О чём сожалеть? Всё сбывалось.
О чём говорить? Всё известно.
Здесь детство похоже на старость,
И старость похожа на детство.

Здесь звёзды сияют упрямо,
А сердце – светло и тревожно.
Окраина – старая рана,
Которой зажечь невозможно.

